

P1 - TΦ
T53

Acta Mathematica

Р1
Т53

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

ИЗДАНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1911.

МУК «Тульская
библиотечная система»

Б 146432 - 1 тф

УТРО ПОМѢЩИКА.

ПОВѢСТЬ

(1852 года).

УТРО ПОМѢЩИКА.

Отрывокъ изъ неоконченнаго романа „Русскій помѣщикъ“ (1852 г.).

I.

Князю Нехлюдову было девятнадцать лѣтъ, когда онъ изъ 3-го курса университета пріѣхалъ на лѣтнія вакаціи въ свою деревню и одинъ пробылъ въ ней все лѣто. Осенью онъ неустановившейся, ребяческой рукой написалъ къ своей теткѣ, графинѣ Бѣлорѣцкой, которая, по его понятіямъ, была его лучший другъ и самая гениальная женщина въ мірѣ, слѣдующее нереведенное здѣсь французское письмо:

Милая тетушка!

«Я принялъ рѣшеніе, отъ котораго должна зависѣть участь всей моей жизни. Я выхожу изъ университета, чтобъ посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Ради Бога, милая тетушка, не смѣйтесь надо мной. Вы скажете, что я молодъ; можетъ быть, точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать мое призваніе, желать дѣлать добро и любить его.

«Какъ я вамъ писалъ уже, я нашелъ дѣла въ неописанномъ разстройствѣ. Желая ихъ привести въ порядокъ и вникнувъ въ нихъ, я открылъ, что главное зло заключается въ самомъ

жалкомъ, бѣдственномъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Если бы вы только могли видѣть двухъ моихъ мужиковъ, Давыда и Ивана, и жизнь, которую они ведутъ съ своими семействами, я увѣренъ, что одинъ видъ этихъ двухъ несчастныхъ убѣдилъ бы васъ больше, чѣмъ все то, что я могу сказать вамъ, чтобъ объяснить мое намѣреніе. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я чувствую себя способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы быть имъ, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которыхъ вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастью. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правила дѣйствій, и, если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи.

«Не показывайте письма этого брату Васѣ: я боюсь его насмѣшекъ; онъ привыкъ первенствовать надо мною, а я привыкъ подчиняться ему. Ваня если и не одобритъ моего намѣренія, то пойметъ его».

Графиня отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ, тоже переведеннымъ здѣсь съ французскаго:

«Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце, въ чемъ я никогда и не сомнѣвалась. Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя. Не стану говорить тебѣ, что ты дѣлаешь глупость, что поведеніе твое огорчаетъ меня,

но постараюсь подѣйствовать на тебя однимъ убѣжденіемъ. Будемъ разсуждать, мой другъ. Ты говоришь, что чувствуешь призваніе къ деревенской жизни, что хочешь сдѣлать счастье своихъ крестьянъ и что надѣешься быть добрымъ хозяиномъ. 1) Я должна сказать тебѣ, что мы чувствуемъ свое призваніе только тогда, когда ужъ разъ ошибемся въ немъ; 2) что легче сдѣлать собственное счастье, чѣмъ счастье другихъ, и 3) что для того, чтобы быть добрымъ хозяиномъ, нужно быть холоднымъ и строгимъ человѣкомъ, чѣмъ ты едва ли когда-нибудь будешь, хотя и стараешься притворяться такимъ.

«Ты считаешь свои разсужденія непреложными и даже принимаешь ихъ за правила въ жизни; но въ мои лѣта, мой другъ, не вѣрятъ въ разсужденія и въ правила, а вѣрятъ только въ опытъ; а опытъ говоритъ мнѣ, что твои планы—ребячество. Мнѣ уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, и я много знавала достойныхъ людей, но никогда не слыхивала, чтобы молодой человѣкъ съ именемъ и способностями, подъ предлогомъ дѣлать добро, зарылся въ деревнѣ. Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ, а твоя оригинальность не что иное, какъ излишнее самолюбіе. И, мой другъ, выбирай лучше торныя дорожки: онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ, если ужъ не нуженъ для тебя, какъ успѣхъ, то необходимъ для того, чтобъ имѣть возможность дѣлать добро, которое ты любишь.

«Нищета нѣсколькихъ крестьянъ—зло необходимое, или такое зло, которому можно помочь, не забывая всѣхъ своихъ обязанностей къ обществу, къ своимъ роднымъ и къ самому себѣ. Съ твоимъ умомъ, съ твоимъ сердцемъ и любовью къ добродѣтели нѣтъ карьеры, въ которой бы ты не имѣлъ успѣха; но выбирай по крайней мѣрѣ такую, которая бы тебя стоила и сдѣлала бы тебѣ честь.

«Я вѣрю въ твою искренность, когда ты говоришь, что у тебя нѣтъ честолюбія; но ты самъ обманываешь себя. Честолюбіе—добродѣтель въ твои лѣта и съ твоими средствами; но она дѣлается недостаткомъ и пошлостью, когда человѣкъ уже

не въ состояніи удовлетворить этой страсти. И ты испытаешь это, если не измѣнишь своему намѣренію. Прощай, милый Митя! Миѣ кажется, что я тебя люблю еще больше за твой нелѣпый, но благородный и великодушный планъ. Дѣлай, какъ знаешь, но признаюсь, не могу согласиться съ тобой».

Молодой человѣкъ, получивъ это письмо, долго думалъ надъ нимъ и, наконецъ рѣшивъ, что и геніальная женщина можетъ ошибаться, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета и навсегда остался въ деревнѣ.

II.

У молодого помѣщика, какъ онъ писалъ своей теткѣ, были составлены правила дѣйствій по своему хозяйству, и вся жизнь и занятія его были распредѣлены по часамъ, днямъ, мѣсяцамъ. Воскресенье было назначено для приѣма просителей, дворовыхъ и мужиковъ, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для поданія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать. Въ такихъ занятіяхъ прошло болѣе года, и молодой человѣкъ былъ уже не совсѣмъ новичокъ ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ знаніи хозяйства.

Было ясное іюньское воскресенье, когда Нехлюдовъ, напившись кофе и пробѣжавъ главу «Maison Rustique», съ записной книжкой и пачкой ассигнацій въ карманѣ своего легонькаго пальто, вышелъ изъ большого съ колоннадами и террасами деревенскаго дома, въ которомъ занималъ внизу одну маленькую комнатку, и по нечищеннымъ, заросшимъ дорожкамъ стараго англійскаго сада направился къ селу, расположенному по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Нехлюдовъ былъ высскій, стройный молодой человѣкъ съ большими, густыми, вьющимися темно-русыми волосами, съ свѣтлымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ, свѣжими щеками и румяными губами, надъ которыми

только показывался первый пушокъ юности. Во всѣхъ движеніяхъ его и походкѣ замѣтны были сила, энергія и добродушное самодовольство молодости. Крестьянскій народъ пестрыми толпами возвращался изъ церкви; старики, дѣвки, дѣти, бабы съ грудными младенцами, въ праздничныхъ одеждахъ, расходились по своимъ избамъ, низко кланяясь барину и обходя его. Войдя въ улицу, Нехлюдовъ остановился, вынулъ изъ кармана записную книжку и на послѣдней, исписанной дѣтскимъ почеркомъ страницѣ прочелъ нѣсколько крестьянскихъ именъ съ отмѣтками. *Иванъ Чурисенокъ*—*просилъ сошекъ*, прочелъ онъ и, войдя въ улицу, подошелъ къ воротамъ второй избы справа.

Жилище Чурисенка составляли: полусгнившій, подопрѣлый съ угловъ срубъ, погнувшійся на бокъ и вросшій въ землю такъ, что надъ самою навозною завалиной виднѣлись одно разбитое красное волоковое оконце съ полуоторваннымъ ставнемъ и другое, волчье, заткнутое хлопкомъ. Рубленая сѣни, съ выгнившимъ порогомъ и низкою дверью, другой маленькій срубецъ, еще древнѣе и еще ниже сѣней, ворота и плетеная клѣть лѣпились около главной избы. Все это было когда-то покрыто подъ одну неровную крышу; теперь же только на застрѣхѣ густо нависла черная, гниющая солома; наверху же мѣстами видны были рѣшетникъ и стропила. Передъ дворомъ былъ колодезь съ развалившимся срубикомъ, остаткомъ столба и колеса и съ грязной и стоптанной скотиною лужей, въ которой полоскались утки. Около колодца стояли двѣ старыя, треснувшія и надломленныя ракиты, съ рѣдкими блѣдно-зелеными вѣтвями. Подъ одной изъ этихъ ракитъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что кто-то и когда-то заботился объ украшеніи этого мѣста, сидѣла восьмилѣтняя бѣлокурая дѣвочка и заставляла ползать вѣругъ себя другую двухлѣтнюю дѣвчонку. Дворной щенокъ, вилявшій около нихъ, увидавъ барина, опрометью бросился подъ ворота и залился оттуда испуганнымъ, дребезжащимъ лаемъ.

— Дома ли Иванъ?—спросилъ Нехлюдовъ.

Старшая дѣвочка какъ будто остоленѣла при этомъ вопросѣ и начала все болѣе и болѣе открывать глаза, ничего не отвѣчая; меньшая же открыла ротъ и собиралась плакать. Небольшая старушонка, въ изорванной клѣтчатоѣ понявѣ, низко подпоясанной старенькимъ красноватымъ кушакомъ, выглядывала изъ-за двери и тоже ничего не отвѣчала. Нехлюдовъ подошелъ къ сѣнямъ и повторилъ вопросъ.

— Дома, кормилецъ, — проговорила дребезжащимъ голосомъ старушонка, низко кланяясь и вся приходя въ какое-то испуганное волненіе.

Когда Нехлюдовъ, поздоровавшись съ ней, прошелъ черезъ сѣни на тѣсный дворъ, старуха подперлась ладонью, подошла къ двери и, не спуская глазъ съ барина, тихо стала покачивать головой. На дворѣ бѣдно; кое-гдѣ лежалъ старый невоже- ный почернѣвшій навозъ; на навозѣ безпорядочно валялись: прѣлая колода, вилы и двѣ бороны. Навѣсы вокругъ двора, подъ которыми съ одной стороны стояли соха, телѣга безъ колеса и лежала куча сваленныхъ другъ на друга пустыхъ, негодныхъ пчелиныхъ колодокъ, были почти всѣ раскрыты, и одна сторона ихъ обрушилась, такъ что спереди переметы лежали уже не на сохахъ, а на навозѣ. Чурисенокъ топоромъ и обухомъ выламывалъ плетень, который придавила крыша. Иванъ Чурисъ былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, ниже обыкновеннаго роста. Черты его загорѣлаго продолговатаго лица, окружен- наго темно-русою съ просѣдью бородою и такими же густыми волосами, были красивы и выразительны. Его темно-голубые полужакрытые глаза глядѣли умно и добродушно-беззаботно. Небольшой правильный ротъ, рѣзко обозначавшійся изъ-подъ русыхъ рѣдкихъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ спокой- ную увѣренность въ себѣ и нѣсколько насмѣшливое равноду- шіе ко всему окружающему. По грубости кожи, глубокимъ мор- щинамъ, рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, по неестественной сутуловатости и кривому, дугообразному по- ложенію ногъ видно было, что вся жизнь его прошла въ не-

посильной, слишком тяжелой работѣ. Одежда его состояла изъ бѣлыхъ посконныхъ портокъ съ синими заплатками на колѣняхъ и такой же грязной, расплзавшейся на спинѣ и рукахъ, рубахи. Рубаха низко подпоясывалась тесемкой съ висѣвшимъ на ней мѣднымъ ключикомъ.

— Богъ помощь!—сказалъ баринъ, входя на дворъ.

Чурисенокъ оглянулся и снова принялся за свое дѣло. Сдѣлавъ энергическое усиленіе, онъ выпросталъ плетень изъ-подъ навѣса и тогда только, воткнувъ топоръ въ колоду и оправляя поясокъ, вышелъ на средину двора.

— Съ праздникомъ, ваше сіятельство!—сказалъ онъ, низко кланяясь и встряхивая волосами.

— Спасибо, любезный. Вотъ пришелъ твое хозяйство провѣдать,—съ дѣтскимъ дружелюбіемъ и застѣнчивостью сказалъ Нехлюдовъ, оглядывая одежду мужика.—Покажи-ка мнѣ, на что тебѣ сохи, которыхъ ты просилъ у меня на сходкѣ.

— Сошки-то? Извѣстно, на что сошки, батюшка, ваше сіятельство. Хоть мало-мальски подпереть хотѣлось, сами изволите видѣть: вотъ анадьсь уголъ завалился, еще помиловалъ Богъ, что скотины въ ту пору не было. Все-то еле-еле виситъ,—говорилъ Чурисъ, презрительно осматривая свои раскрытые, кривые и обрушенные сараи.—Теперь и стропила, и откосы, и перемыты только тронь,—глядишь, дерева дѣльнаго не выйдетъ. А лѣсу гдѣ нынче возьмешь? сами изволите знать.

— Такъ на что жъ тебѣ пять сошекъ, когда одинъ сарай уже завалился, а другіе скоро завалятся? Тебѣ нужны не сошки, а стропила, перемыты, столбы—все новое нужно,—сказалъ баринъ, видимо щеголяя своимъ знаніемъ дѣла.

Чурисенокъ молчалъ.

— Тебѣ, стало быть, нужно лѣсу, а не сошекъ; такъ и говорить надо было.

— Вѣстимо нужно, да взять-то негдѣ: не все же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе

мы крестьяне будемъ? А коли милость ваша на то будетъ, насчетъ дубовыхъ макушекъ, что на господскомъ гумнѣ такъ, безъ дѣла, лежать,—сказалъ онъ, кланаясь и переминаясь съ ноги на ногу:—такъ, може, я которыя подмѣню, которыя поурѣжу и изъ стараго какъ-нибудь соорудю.

— Какъ же изъ стараго? Вѣдь ты самъ говоришь, что все у тебя старо и гнило: нынче этотъ уголъ обвалился, завтра тотъ, послѣзавтра третій; такъ ужъ ежели дѣлать, такъ дѣлать все заново, чтобы не даромъ работа пропала. Ты скажи мнѣ, какъ ты думаешь, можетъ твой дворъ простоять нынче зиму или нѣтъ?

— А кто ее знаетъ!

— Нѣтъ, ты какъ думаешь—завалится онъ или нѣтъ?—Чурись на минуту задумался.

— Должонъ весь завалиться,—сказалъ онъ вдругъ.

— Ну, вотъ видишь ли, ты бы лучше такъ и на сходкѣ говорилъ, что тебѣ надо весь дворъ перестроить, а не одиѣхъ сошекъ. Вѣдь я радъ помочь тебѣ...

— Много довольны вашей милостью,—недовѣрчиво и не глядя на барина отвѣчалъ Чурисенокъ.—Мнѣ хоть бы бревна четыре да сошекъ пожаловали, такъ я, можетъ, самъ управлюсь; а который негодный лѣсъ выберется, такъ въ избу на подпорки пойдеть.

— А развѣ у тебя и изба плоха?

— Того и ждемъ съ бабой, что вотъ-вотъ раздавить кого-нибудь,—равнодушно сказалъ Чурись.—Намедни и то накатина съ потолка мою бабу убила!

— Какъ убила?

— Да такъ, убила, ваше сіятельство: по спинѣ какъ по лыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала.

— Что жъ, прошло?

— Прошло-то прошло, да все хвораетъ. Она, точно, и отроду хвора.

— Что ты, больна?—спросилъ Нехлюдовъ у бабы, продол-

жавшей стоять въ дверяхъ и тотчасъ же начавшей охать, какъ только мужъ сталъ говорить про нее.

— Все вотъ тутъ не пускаетъ меня, да и шабашъ,—отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Опять!—съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами.—Отчего же ты больна, а не приходила сказать въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ вамъ не повѣщали?

— Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое...

III.

Нехлюдовъ вошелъ въ избу. Неровныя закопченныя стѣны въ черномъ углу были увѣшаны разнымъ тряпьемъ и платьемъ, а въ красномъ—буквально покрыты красноватыми тараканами, собравшимися около образовъ и лавки. Въ серединѣ этой черной, смрадной шестиаршинной избенки, въ потолокъ была большая щель и, несмотря на то, что въ двухъ мѣстахъ стояли подпорки, потолокъ такъ погнулся, что, казалось, съ минуты на минуту угрожалъ разрушеніемъ.

— Да, изба очень плоха,—сказалъ баринъ, всматриваясь въ лицо Чурисенка, который, казалось, не хотѣлъ начинать говорить объ этомъ предметѣ.

— Задавить насъ и ребятишекъ задавить,—начала слезливымъ голосомъ приговаривать баба, прислонившись къ печи подъ полатями.

— Ты не говори!—строго сказалъ Чурисъ и съ тонкою, чуть замѣтной улыбкой, обозначившеюся подъ его пошевелившимися усами, обратился къ барину:—и ума не приложу, что съ ней дѣлать, ваше сіятельство, съ избой-то; и подпорки, и подкладки клалъ,—ничего нельзя исдѣлать.

— Какъ тутъ зиму зимовать? Охъ-охъ-о!—сказала баба.

— Оно, коли еще подпорки поставить, новый накатникъ на-

стлать,—перебилъ ее мужъ съ спокойнымъ, дѣловымъ выраженіемъ,—да одинъ переметъ перемѣнить, такъ, можетъ, какъ-нибудь пробьемся зиму-то. Прожить можно, только избу всю подпорками загородишь—вотъ что; а тронь ее, такъ щепки живой не будетъ; только поколи стоять—держится,—заклучилъ онъ, видимо весьма довольный тѣмъ, что онъ сообразилъ это обстоятельство.

Нехлюдову было досадно и больно, что Чурисъ довелъ себя до такого положенія и не обратился прежде къ нему, тогда какъ онъ съ самаго своего приѣзда ни разу не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобъ всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Онъ почувствовалъ даже нѣкоторую злобу на мужика, сердито пожалъ плечами и нахмурился; но видъ нищеты, окружавшей его, и среди этой нищеты спокойная и самодовольная наружность Чуриса превратили его досаду въ какое-то грустное, безнадежное чувство.

— Ну, какъ же ты, Иванъ, прежде не сказалъ мнѣ?—съ упрекомъ замѣтилъ онъ, садясь на грязную кривую лавку.

— Не посмѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Чурисъ съ тою же, чуть замѣтной улыбкой, переминаясь своими черными босыми ногами по неровному земляному полу; но онъ сказалъ это такъ смѣло и спокойно, что трудно было вѣрить, чтобъ онъ не посмѣлъ придти къ барину.

— Наше дѣло мужицкое: какъ мы смѣемъ!..—начала было, всхлипывая, баба.

— Не гуторь,—снова обратился къ ней Чурисъ.

— Въ этой избѣ тебѣ жить нельзя; это вздоръ!—сказалъ Нехлюдовъ, помолчавъ нѣсколько времени.—А вотъ что мы сдѣлаемъ, братецъ...

— Слушаю-съ,—отозвался Чурисъ.

— Видѣлъ ты каменные герардовскія избы, что я построилъ на новомъ хуторѣ, что съ пустыми стѣнами?

— Какъ не видать-съ,—отвѣчалъ Чурисъ, открывая улыбкой свои еще цѣлые бѣлые зубы:—еще не мало дивились, какъ

клали-то ихъ—мудренныя избы! Ребята смѣялись, что не магази́ны ли будутъ, отъ крысъ въ стѣны засыпать. Избы важныя!—заклучилъ онъ съ выраженіемъ насмѣшливаго недоумѣнія, покачавъ головой:—остроги словно.

— Да, избы славныя, сухія и теплыя, и отъ пожара не такъ опасны,—возразилъ баринъ, нахмутивъ свое молодое лицо, видимо недовольный насмѣшками мужика.

— Неспорно, ваше сіятельство, избы важныя.

— Ну, такъ вотъ, одна изба ужъ совсѣмъ готова. Она десятиаршинная, съ сѣнями, съ клѣтью и совсѣмъ ужъ готова. Я ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ долгъ за свою цѣну; ты когда-нибудь отдашь,—сказалъ баринъ съ самодовольной улыбкой, которую онъ не могъ удержать при мысли о томъ, что дѣлаетъ благодѣяніе.—Ты свою старую сломаешь,—продолжалъ онъ:—она на амбаръ пойдетъ; дворъ тоже перенесемъ. Вода тамъ славная, огороды вырѣжу изъ новины, земли твои во всѣхъ трехъ клинахъ тоже тамъ, подъ бокомъ, вырѣжу. Отлично заживешь! Что жъ, развѣ это тебѣ не нравится?—спросилъ Нехлюдовъ, замѣтивъ, что, какъ только онъ заговорилъ о переселеніи, Чурисъ погрузился въ совершенную неподвижность и, уже не улыбаясь, смотрѣлъ въ землю.

— Воля вашего сіятельства,—отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ.

Старушка выдвинулась впередъ, какъ будто задѣтая заживо, и готовилась сказать что-то, но мужъ предупредилъ ее:

— Воля вашего сіятельства,—повторилъ онъ рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ покорно, взглядывая на барина и встряхивая волосами:—а на новомъ хуторѣ намъ жить не приходится.

— Отчего?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, коли насъ туда переселите,—мы и здѣсь-то плохи, а тамъ вамъ навѣкъ мужиками не будемъ,—какіе мы тамъ мужики будемъ? Да тамъ и жить-то нельзя, воля ваша!

— Да отчего жъ?

— Изъ послѣдняго разоримся, ваше сіятельство.

— Отчего жъ тамъ жить нельзя?

— Какая же тамъ жизнь? Ты посуди: мѣсто нежилое, вода неизвѣстная, выгона нѣтути. Конопляники у насъ здѣсь искони навозные, а тамъ что? Да и что тамъ? Голь! Ни плетней, ни овиновъ, ни сараевъ, ничего нѣтути. Разоримся мы, ваше сіятельство, коли насъ туда погонишь, въ конецъ разоримся! Мѣсто новое, неизвѣстное...—повторилъ онъ задумчиво, но рѣшительно покачивая головой.

Нехлюдовъ сталъ было доказывать мужику, что переселеніе, напротивъ, очень выгодно для него, что плетни и сарай тамъ построятъ, что вода тамъ хорошая и т. д., но тупое молчаніе Чуриса смущало его, и онъ почему-то чувствовалъ, что говорить не такъ, какъ бы слѣдовало. Чурисенокъ не возражалъ ему; но когда баринъ замолчалъ, онъ, слегка улынувшись, замѣтилъ, что лучше бы всего было поселить на этомъ хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алешу-дурачка, чтобы они тамъ хлѣбъ караулили.

— Вотъ бы важно-то было!—замѣтилъ онъ и снова усмѣхнулся.—Пустое это дѣло, ваше сіятельство!

— Да что жъ, что мѣсто нежилое?—терпѣливо настаивалъ Нехлюдовъ.—Вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ же люди; и тамъ, вотъ ты только первый поселись съ легкой руки... Ты непременно поселись...

— И, батюшка, ваше сіятельство, какъ можно сличить!—съ живостью отвѣчалъ Чурисъ, какъ будто испугавшись, чтобы баринъ не принялъ окончательнаго рѣшенія:—здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога, и прудъ тебѣ—бѣлье что ли бабѣ стирать, скотину ли поить,—и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы—вотъ что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить, много довольны вашею милостью

останемся; а нѣтъ, такъ и въ старенькой своей вѣкъ какъ-нибудь доживемъ. Заставъ вѣкъ Бога молить, — продолжалъ онъ, низко кланяясь: — не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка...

Въ то время, какъ Чурисъ говорилъ, подъ полатями, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его жена, слышны были все усиливавшіяся и усиливавшіяся всхлипыванія, и когда мужъ сказалъ: «батюшка», жена его неожиданно выскочила впередъ и, въ слезахъ, ударила въ ноги барину:

— Не погуби, кормилецъ! Ты нашъ отецъ, ты наша мать! Куда намъ селиться? Мы люди старые, одинокіе. Какъ Богъ, такъ и ты... — завопила она.

Нехлюдовъ вскочилъ съ лавки и хотѣлъ поднять старуху, но она съ какимъ-то сладострастіемъ отчаянія билась головой о земляной полъ и отталкивала руку барина.

— Что ты! встань, пожалуйста! Коли не хотите, такъ не надо; я принуждать не стану, — говорилъ онъ, махая руками и отступая къ двери.

Когда Нехлюдовъ сѣлъ опять на лавку и въ избѣ водворилось молчаніе, прерываемое только хныканьемъ бабы, снова удалившейся подъ полати и утиравшей тамъ слезы рукавомъ рубахи, молодой помѣщикъ понялъ, что значила для Чуриса и его жены разваливающаяся избенка, обвалившійся колодезь съ грязною лужей, гніющіе хлѣвушки, сарайчики и треснувшія ветлы, виднѣвшіяся передъ кривымъ оконцемъ, и ему стало что-то тяжело, грустно и чего-то совѣстно.

— Какъ же ты, Иванъ, не сказалъ при мірѣ прошлое воскресенье, что тебѣ нужна изба? Я теперь не знаю, какъ помочь тебѣ. Я говорилъ вамъ всѣмъ на первой сходкѣ, что я поселился въ деревнѣ и посвятилъ свою жизнь для васъ; что я готовъ самъ лишиться себя всего, лишь бы вы были довольны и счастливы, — и я передъ Богомъ клянусь, что сдержу свое слово, — говорилъ юный помѣщикъ, не зная того, что такого рода изліянія неспособны возбуждать довѣрія ни въ какомъ,

и въ особенности въ русскомъ человѣкѣ, любящемъ не слова, а дѣло и неохотникѣ до выраженія чувствъ, какихъ бы то ни было прекрасныхъ.

Но простодушный молодой человѣкъ былъ такъ счастливъ тѣмъ чувствомъ, которое испытывалъ, что не могъ не излить его.

Чурисъ погнулъ голову на сторону и, медленно моргая, съ принужденнымъ вниманіемъ слушалъ своего барина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, хотя онъ и говоритъ вещи, не совсѣмъ хорошія и совершенно до насъ не касающіяся.

— Но вѣдь я не могу всѣмъ давать все, что у меня просить. Если бъ я никому не отказывалъ, кто у меня просить лѣса, у меня самого скоро бы ничего не осталось, и я не могъ бы дать тому, кто истинно нуждается. Затѣмъ-то я и отдѣлилъ заказъ, опредѣлилъ его для исправленія крестьянскаго строенія и совсѣмъ отдалъ міру. Лѣсъ этотъ теперь уже не мой, а вашъ, крестьянскій, и уже я имъ не могу распоряжаться, а распоряжается міръ, какъ знаетъ. Ты приходи нынче на сходку; я міру поговорю о твоей просьбѣ: коли онъ присудитъ тебѣ избу дать, такъ и хорошо, а у меня ужъ теперь лѣсу нѣтъ. Я отъ всей души желаю тебѣ помочь; но коли ты не хочешь переселиться, то дѣло ужъ не мое, а мірское. Ты понимаешь меня?

— Много довольны вашею милостью,—отвѣчалъ смущенный Чурисъ.—Коли на дворъ лѣску ублаготворите, такъ мы и такъ поправимся.—Что міръ? Дѣло извѣстное...

— Нѣтъ, ты приходи.

— Слушаю. Я приду. Отчего не придти? Только ужъ я у міра просить не стану.

IV.

Молодому помѣщику видно хотѣлось еще спросить что-то у хозяевъ; онъ не вставалъ съ лавки и нерѣшительно поглядывалъ то на Чуриса, то въ пустую нетопленную печь.

— Что, вы ужъ обѣдали?—наконецъ спросилъ онъ.

Подъ усами Чуриса обозначилась насмѣшливая улыбка, какъ будто ему смѣшно было, что баринъ дѣлаетъ такіе глупые вопросы; онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какой обѣдъ, кормилецъ?—тяжело вздыхая, проговорила баба:—хлѣбушка поспѣдали—вотъ и обѣдъ нашъ. За сныткой нынче ходить неколи было, такъ и щецъ сварить не изъ чего, а что квасу было, такъ ребятамъ дала.

— Нынче постъ голодный, ваше сіятельство, — вмѣшался Чурисъ, поясняя слова бабы:—хлѣбъ да лукъ—вотъ и пища наша мужицкая. Еще слава ти Господи, хлѣбушка - то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у нашихъ мужиковъ и хлѣба - то нѣтъ. Луку нынѣ вездѣ незародъ. У Михайла-огородника—анадысь посылали—за пучокъ по грошу берутъ, а покупать нашему брату неоткуда. Съ пасхи почитай-то и въ церкву Божью не ходимъ, и свѣчку Миколѣ купить не на что.

Нехлюдовъ уже давно зналъ не по слухамъ, не на вѣру къ словамъ другихъ, а на дѣлѣ всю ту крайнюю степень бѣдности, въ которой находились его крестьяне; но вся дѣйствительность эта была такъ несообразна со всѣмъ воспитаніемъ его, складомъ ума и образомъ жизни, что онъ противъ воли забывалъ истину, и всякій разъ, когда ему, какъ теперь, живо, осязательно напоминали ее, у него на сердцѣ становилось невыносимо-тяжело и грустно, какъ будто воспоминаніе о какомъ-то совершенномъ, неискупленномъ преступленіи мучило его.

— Отчего вы такъ бѣдны?—сказалъ онъ, невольно высказывая свою мысль.

— Да какимъ же намъ и быть, батюшка ваше сіятельство, какъ не бѣднымъ? Земля наша какая—вы сами изволите знать: глины, бугры; да и то, видно прогнѣвили мы Бога: вотъ уже съ холеры почитай хлѣба не родить. Луговъ и угодьевъ опять меньше стало: которые позаказали въ экономію, которые тоже въ барскія поля попридрали. Дѣло мое одинокое, старое... гдѣ и радъ бы похлопоталъ—силъ моихъ нѣту. Старуха моя боль-

ная, что ни годъ, то дѣвчонокъ рождаетъ: вѣдь всѣхъ кормить надо. Вотъ одинъ маюсъ, а семь душъ дома. Грѣшенъ Господу Богу, часто думаю себѣ: хотъ бы прибралъ которыхъ Богъ поскорѣе. И мнѣ бы легче было, да и имъ-то лучше, чѣмъ здѣсь горе мыкать...

— О-охъ!—громко вздохнула баба, какъ бы въ подтвержденіе словъ мужа.

— Вотъ моя подмога вся тутъ,—продолжалъ Чурисъ, указывая на бѣлоголоваго шершаваго мальчика лѣтъ семи, съ огромнымъ животомъ, который въ это время робко, тихо скрипнувъ дверью, вошелъ въ избу и, уставивъ исподлобья удивленные глаза на барина, обѣими ручонками держался за рубаху Чуриса.—Вотъ и подсобка моя вся тутъ,—продолжалъ звучнымъ голосомъ Чурисъ, проводя своею шершавою рукой по бѣлымъ волосамъ ребенка.—Когда его дождешься? А мнѣ ужъ работа невмочь. Старость бы еще ничего, да грыжа меня одолѣла. Въ ненастье хотъ крикомъ кричи, а вѣдь ужъ мнѣ давно съ тягла, въ старики пора. Вонъ Дутловъ, Демкинъ, Зябревъ—всѣ моложе меня—давно земли посложили. Ну, мнѣ сложить не на кого—вотъ бѣда моя. Кормиться надо: вотъ и бьюсь, ваше сіятельство.

— Я бы радъ тебѣ облегчить, точно. Какъ же быть?—сказалъ молодой баринъ съ участіемъ, глядя на крестьянина.

— Да какъ облегчить? Извѣстное дѣло, коли землей владать, то и барщину править надо—ужъ порядки извѣстные. Какъ-нибудь малаго дождусь. Только будетъ милость ваша—насчетъ училища его увольте; а то намедни земскій приходилъ, тоже говорить: и его ваше сіятельство требуетъ въ училищу. Ужъ его-то увольте: вѣдь какой у него разумъ, ваше сіятельство? Онъ еще младъ, ничего не смыслить.

— Нѣтъ, ужъ это, братъ, какъ хочешь—сказалъ баринъ:—мальчикъ твой уже можетъ понимать, ему учиться пора. Вѣдь я для твоего же добра говорю. Ты самъ посуди: какъ онъ у тебя подрастетъ, хозяиномъ станетъ да будетъ грамотѣ знать

и читать будетъ умѣть, и въ церкви читать,—вѣдь все у тебя дома съ Божьею помощью пойдетъ,—говорилъ Нехлюдовъ, стараясь выражаться какъ можно понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то краснѣя и заминаясь :

— Неспорно, ваше сіятельство,—вы намъ худа не желаете; да дома-то побыть некому: мы съ бабой на барщинѣ, ну а онъ, хоть и маленокъ, а все подсобляетъ—и скотину загнать и лошадей напоить. Какой ни есть, а все мужикъ,—и Чурисенокъ съ улыбкою взялъ своими толстыми пальцами за носъ мальчика и высморкалъ его.

— Все-таки ты присылай его, когда самъ дома и когда ему время,—слышишь? непременно.

Чурисенокъ тяжело вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

V.

— Да я еще хотѣлъ сказать тебѣ,—сказалъ Нехлюдовъ:—отчего у тебя навозъ не вывезенъ?

— Какой у меня навозъ, батюшка ваше сіятельство! И возить-то нечего. Скотина моя какая? Кобыленка одна да жеребенокъ, а телушку осенью изъ телятъ дворнику отдалъ—вотъ и скотина моя вся.

— Такъ какъ же, у тебя скотины мало, а ты еще телку изъ телятъ отдалъ?—съ удивленіемъ спросилъ баринъ.

— А чѣмъ кормить станешь?

— Развѣ у тебя соломы-то неостанетъ, чтобы корову прокормить? У другихъ достаетъ же.

— У другихъ земли навозныя, а моя земля глина одна, ничего не сдѣлаешь.

— Такъ вотъ и навозъ ее, чтобы не было глины; а земля хлѣбъ родить, и будетъ чѣмъ скотину кормить.

— Да и скотины-то нѣту, такъ какой навозъ будетъ?

«Это странный *sergle visieux*», подумалъ Нехлюдовъ, но рѣшительно не могъ придумать, что посовѣтовать мужику.

— Опять и то сказать, ваше сіятельство, не навозъ хлѣбъ родить, а все Богъ,—продолжалъ Чурисъ.—Вотъ у меня лѣтось на прѣсномъ осьминникѣ шесть копенъ стало, а съ навозной и крестца не собрали. Никто какъ Богъ!—прибавилъ онъ со вздохомъ.—Да и скотина ко двору нейдетъ къ нашему. Вотъ шестой годъ не живетъ. Лѣтось одна телка издохла, другую продалъ: кормиться нечѣмъ было; а въ запрошлый годъ важная корова пала: пригнали изъ стада—ничего не было, вдругъ зашаталась, зашаталась, и паръ вонъ. Все мое несчастье!

— Ну, братецъ, чтобы ты не говорилъ, что у тебя скотины нѣтъ оттого, что корму нѣтъ, а корму нѣтъ оттого, что скотины нѣтъ, вотъ тебѣ на корову,—сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя и доставая изъ кармана шароваръ скомканную пачку ассигнацій и разбирая ее:—купи себѣ на мое счастье корову, а кормъ бери съ гумна—я прикажу. Смотри же, чтобы къ будущему воскресенью у тебя была корова: я зайду.

Чурисъ, такъ долго, съ улыбкой переминаясь, не подвигалъ руку за деньгами, что Нехлюдовъ положилъ ихъ на конецъ стола и покраснѣлъ еще больше.

— Много довольны вашею милостью,—сказалъ Чурисъ съ своей обыкновенной, немного насмѣшливой улыбкой.

Старуха нѣсколько разъ тяжело вздохнула подъ полатями и какъ будто читала молитву.

Молодому барину стало неловко; онъ торопливо всталъ съ лавки, вышелъ въ сѣни и позвалъ за собой Чуриса. Видъ чловѣка, которому онъ сдѣлалъ добро, былъ такъ пріятенъ, что ему не хотѣлось скоро разстаться съ нимъ.

— Я радъ тебѣ помогать,—сказалъ онъ, останавливаясь у колодца:—тебѣ помогать можно, потому что, я знаю, ты не лѣнишься. Будешь трудиться—и я буду помогать: съ Божьею помощью и поправишься.

— Ужъ не то что поправиться, ваше сіятельство...—сказалъ Чурисъ, принимая вдругъ серьезное, даже строгое выраженіе лица, какъ будто весьма недовольный предположеніемъ барина.

что онъ можетъ поправиться.—Жили при батькѣ съ братьями, ни въ чемъ нужды не видали; а вотъ какъ померъ онъ, да какъ разошлись, такъ все хуже да хуже пошло. Все одиночество!

— Зачѣмъ же вы разошлись?

— Все изъ-за бабъ вышло, ваше сіятельство. Тогда уже дѣдушки вашего не было, а то при немъ бы не посмѣли,—тогда настоящіе порядки были; онъ такъ же, какъ и вы, до всего самъ доходилъ,—и думать бы не смѣли расходиться. Не любилъ покойникъ мужикамъ повадку давать; а нами послѣ вашего дѣдушки завѣдывалъ Андрей Ильичъ—не тѣмъ будь помянуть—человѣкъ былъ пьяный, необстоятельный. Пришли къ нему проситься разъ, другой: нѣтъ, молъ, житья отъ бабъ, позволю разойтись; ну, подралъ, подралъ, а наконецъ, тому дѣлу вышло, все-таки поставили бабы на своемъ, врозь стали жить; а ужъ одинокій мужикъ извѣстно какой! Ну да и порядковъ—то никакихъ не было; орудовалъ нами Андрей Ильичъ, какъ хотѣлъ. «Чтобъ было у тебя все», а изъ чего мужику взять, того не спрашивалъ. Тутъ подушныя прибавили, столовый запасъ тоже собирать больше стали, а земель меньше стало и хлѣбъ рожать пересталъ. Ну, а какъ межевка пришла, да какъ онъ у насъ наши навозныя земли въ господскій клинъ отрѣзалъ, злодѣй,—и порѣшилъ насъ совсѣмъ, хоть помирай! Батюшка вашъ—царство небесное—баринъ добрый былъ, да мы его и не видали почитай: все въ Москвѣ жилъ; ну, извѣстно, и подводъ туда чаще гонять стали. Другой разъ распутица, кормовъ нѣтъ, а вези! Нельзя же и барину безъ того. Мы этимъ обижаться не смѣемъ; да порядковъ не было. Какъ теперь ваша милость до своего лица всякаго мужичка допускаете, такъ и мы другіе стали, и приказчикъ-то другой человѣкъ сталъ. Мы теперь знаемъ хоша, что у насъ баринъ есть. И ужъ и сказать нельзя, какъ мужички твоей милости благодарны. А то въ опеку настоящаго барина не было; всякій баринъ былъ: и опекунъ баринъ, и Ильичъ баринъ, и жена его барыня, и писарь изъ стану

тотъ же баринъ. Тутъ - то много, — ухъ! много горя приняли мужички!

Опять Нехлюдовъ испыталъ чувство, похожее на стыдъ или угрызеніе совѣсти. Онъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

VI.

«Юхванка-Мудреный хочетъ лошадь продать», прочелъ Нехлюдовъ въ записной книжечкѣ и перешелъ черезъ улицу, ко двору Юхванки-Мудренаго. Юхванкина изба была тщательно покрыта соломой съ барскаго гумна и срублена изъ свѣжаго свѣтло-сѣраго осиноваго лѣса (тоже изъ барскаго заказа), съ двумя выкрашенными красными ставнями у оконъ и крылечкомъ съ навѣсомъ и съ затѣйливыми, вырѣзанными изъ тесинъ перильцами. Сѣнцы и холодная изба были тоже исправныя; но общій видъ довольства и достатка, который имѣла эта связь, нарушался нѣсколько пригороженною къ воротницамъ клѣтью съ недоплетеннымъ заборомъ и раскрытымъ навѣсомъ, виднѣвшимся изъ-за нея. Въ то самое время, какъ Нехлюдовъ подходилъ съ одной стороны къ крыльцу, съ другой подходили двѣ крестьянскія женщины съ полнымъ ушатомъ. Одна изъ нихъ была жена, другая мать Юхванки-Мудренаго. Первая была плотная, румяная баба, съ необыкновенно развитою грудью и широкими, мясистыми скулами. На ней была чистая, шитая на рукавахъ и воротникѣ рубаха, такая же занавѣска, новая понява, коты, бусы и вышитая красною бумагой и блестками четверугольная щегольская кичка.

Конецъ водоноса не покачивался, а плотно лежалъ на ея широкомъ и твердомъ плечѣ. Легкое напряженіе, замѣтное въ красномъ лицѣ ея, въ изгибѣ спины и мѣрномъ движеніи рукъ и ногъ, выказывало въ ней необыкновенное здоровье и мужскую силу. Юхванкина мать, несшая другой конецъ водоноса, была, напротивъ, одна изъ тѣхъ старухъ, которыя кажутся дошедшими до послѣдняго предѣла старости и разрушенія въ

живомъ человѣкѣ. Костлявый остоу ея, на которомъ надѣта была черная, изорванная рубаха и безцвѣтная понява, былъ согнутъ, такъ что водоносъ лежалъ больше на спинѣ, чѣмъ на плечѣ ея. Обѣ руки ея, съ искривленными пальцами, которыми она, какъ будто ухватившись, держалась за водоносъ, были какого-то темно-бураго цвѣта и, казалось, не могли ужъ разгибаться; понурая голова, обвязанная какимъ-то тряпьемъ, носила на себѣ самые уродливые слѣды нищеты и глубокой старости. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направлѣнїямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишенные рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ-подъ верхней впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходилъ иногда съ острымъ подбородкомъ. Морщины на нижней части лица и горла похожи на какіе-то мѣшки, качавшіеся при каждомъ движеніи. Она тяжело и хрипло дышала; но босыя искривленныя ноги, хотя, казалось, черезъ силу волочась по землѣ, мѣрно двигались одна за другою.

VII.

Почти столкнувшись съ бариномъ, молодая баба бойко составила ушатъ, потупилась, поклонилась, потомъ блестящими глазами исподлобья взглянула на барина и, стараясь рукавомъ вышитой рубашки скрыть легкую улыбку, постукивая кутами, взбѣжала на сходцы.

— Ты, матушка, водоносъ-то теткѣ Настасѣ отнеси,—сказала она, останавливаясь въ двери и обращаясь къ старухѣ.

Скромный молодой помѣщикъ строго, но внимательно посмотрѣлъ на румяную бабу, нахмурился и обратился къ старухѣ, которая, выпроставъ корявыми пальцами водоносъ, взвалила его на плечи и покорно направилась было къ сосѣдней избѣ.

— Дома сынъ твой?—спросилъ баринъ.

Старуха, согнувъ еще болѣе свой согнутый станъ, поклонилась и хотѣла сказать что-то, но, приложивъ руки ко рту,

такъ закашлялась, что Нехлюдовъ, не дождавшись, вошелъ въ избу. Юхванка, сидѣвшій въ красномъ углу на лавкѣ, увидѣвъ барина, бросился къ печи, какъ будто хотѣлъ спрятаться отъ него, поспѣшно сунулъ на полати какую-то вещь и, подергивая ртомъ и глазами, прижался около стѣны, какъ будто давая дорогу барину. Юхванка былъ русый парень, лѣтъ тридцати, худощавый, стройный, съ молодою остренькой бородкой, довольно красивый, если бы не бѣгающіе каріе глазки, непріятно выглядывавшіе изъ-подъ сморщенныхъ бровей, и не недостатокъ двухъ переднихъ зубовъ, который тотчасъ бросался въ глаза, потому что губы его были коротки и безпрестанно шевелились. На немъ была праздничная рубаха съ ярко-красными ластовицами, полосатыя набойчатые портки и тяжелые сапоги съ сморщенными голенищами. Внутренность избы Юхванки не была такъ тѣсна и мрачна, какъ внутренность избы Чуриса, хотя въ ней такъ же было душно, пахло дымомъ и тулупомъ и такъ же беспорядочно было раскинуто мужицкое платье и утварь. Двѣ вещи здѣсь какъ-то странно останавливали вниманіе: небольшой погнутый самоваръ, стоявшій на полкѣ, и черная рамка съ остаткомъ грязнаго стекла и портретомъ какого-то архимандрита съ кривымъ носомъ и шестью пальцами, висѣвшая около иконы въ мѣдномъ окладѣ. Нехлюдовъ, недружелюбно посмотрѣвъ на самоваръ, на портретъ архимандрита и на полати, на которыхъ торчалъ изъ-подъ какой-то ветошки копецъ трубки въ мѣдной оправѣ, обратился къ мужику.

— Здравствуй, Епифанъ, — сказалъ онъ, глядя ему въ глаза.

Епифанъ поклонился, пробормотавъ: «здравія желаемъ, васясо», особенно нѣжно выговаривая послѣднее слово, и глаза его мгновенно обѣжали всю фигуру барина, избу, полъ и потолокъ, не останавливаясь ни на чемъ; потомъ онъ торопливо подошелъ къ полатамъ, стащилъ оттуда зипунъ и сталъ надѣвать его.

— Зачѣмъ ты одѣваешься? — сказалъ Нехлюдовъ, садясь на

лавку и видимо стараясь как можно строже смотреть на Епифана.

— Какъ же, помилуйте, васясо, развѣ можно? Мы, кажется можемъ понимать...

— Я зашелъ къ тебѣ узнать, зачѣмъ тебѣ нужно продать лошадь, и много ли у тебя лошадей, и какую ты лошадь продать хочешь?—сухо сказалъ баринъ, видимо повторяя приготовленные вопросы.

— Мы много довольны вашему сясу, что не побрезгали зайти ко мнѣ, къ мужику,—отвѣчалъ Юхванка, бросая быстрые взгляды на портретъ архимандрита, на печку, на сапоги барина и на всѣ предметы, исключая лица Нехлюдова.—Мы всегда за вашего сяса Богу молимъ...

— Зачѣмъ тебѣ лошадь продать?—повторилъ Нехлюдовъ, возвышая голосъ и прокашливаясь.

Юхванка вздохнулъ, встряхнулъ волосами (взглядъ его опять обѣжалъ избу) и, замѣтивъ кошку, которая спокойно мурлыкала, лежа на лавкѣ, крикнулъ на нее «брысь, подлая», и торпливо оборотился къ барину.—Лошадь, которая, васясо, негодная... Коли бы животное добрая была, я бы продавать не сталъ, васясо.

— А сколько у тебя всѣхъ лошадей?

— Три лошади, васясо.

— А жеребятъ нѣтъ?

— Какъ можно-съ, васясо! И жеребенокъ есть.

VIII.

— Пойдемъ, покажи мнѣ своихъ лошадей; онѣ у тебѣ на дворѣ?

— Такъ точно-съ, васясо; какъ мнѣ приказано, такъ и сдѣлано, васясо. Развѣ мы можемъ послушаться вашего сяса? Мнѣ приказалъ Яковъ Алпатычъ, чтобъ, молъ, лошадей завтра въ

поле не пущать: князь смотрѣть будутъ, мы и не пушали. Ужъ мы не смѣемъ послушаться вашего сяса.

Покуда Нехлюдовъ выходилъ въ двери, Юхванка достала трубку съ полатей и закинулъ ее за печку; губы его все такъ же безпокойно передергивались и въ то время, какъ баринъ не смотрѣлъ на него.

Худая сивая кобыленка перебирала подъ навѣсомъ прѣлую солому; двухмѣсячный длинноногій жеребенокъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта, съ голубоватыми ногами и мордой, не отходилъ отъ ея тощаго засореннаго рѣпьями хвоста. Посерединѣ двора, зажмурившись и задумчиво опустивъ голову, стоялъ утробистый гнѣдой меренокъ, съ виду хорошая мужицкая лошадка.

— Такъ тутъ всѣ твои лошади?

— Никакъ нѣтъ-съ, васясо; вотъ еще кобылка, да вотъ жеребеночекъ,—отвѣчалъ Юхванка, указывая на лошадей, которыхъ баринъ не могъ не видѣть.

— Я вижу. Такъ какую же ты хочешь продать?

— А вотъ ешту-съ, васясо,—отвѣчалъ онъ, махая полкой зипуна на задремавшаго меренка и безпрестанно мигая и передергивая губами. Меренокъ открылъ глаза и лѣниво повернулся къ нему хвостомъ.

— Онъ не старый на видъ и собой лошадка плотная,—сказалъ Нехлюдовъ.—Поймай-ка его да покажи мнѣ зубы. Я узнаю, стара ли она.

— Никакъ не можно поймать-съ одному, васясо. Вся скотина гроша не стоитъ, а норовистая—и зубомъ и передомъ, васясо,—отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь очень весело и пуская глаза въ разныя стороны.

— Что за вздоръ! Поймай, тебѣ говорятъ.

Юхванка долго улыбался, переминался и только тогда, когда Нехлюдовъ сердито крикнулъ: «ну! что жъ ты?» бросился подъ навѣсъ, принесъ обротъ и сталъ гоняться за лошадыю, пугая ее и подходя сзади, а не спереди.

Молодому барину видимо надоѣло смотрѣть на это, да и хотѣлось, можетъ быть, показать свою ловкость.—Дай сюда обротъ!—сказалъ онъ.

— Помилуйте! какъ можно васясу? Не извольте..

Но Нехлюдовъ прямо съ головы подошелъ къ лошади и, вдругъ ухвативъ ее за уши, пригнулъ къ землѣ съ такою силой, что меренокъ, который, какъ оказывалось, былъ очень смиренная мужицкая лошадка, зашатался и захрипѣлъ, стараясь вырваться. Когда Нехлюдовъ замѣтилъ, что совершенно напрасно было употреблять такія усилія, и взглянулъ на Юхванку, который не переставалъ улыбаться, ему пришла въ голову самая обидная въ его лѣта мысль, что Юхванка смѣется надъ нимъ и мысленно считаетъ его ребенкомъ. Онъ покраснѣлъ, выпустилъ уши лошади и, безъ помощи оброти открывъ ей ротъ, посмотрѣлъ въ зубы: клыки были цѣлы, чашки полныя, что все уже успѣлъ выучить молодой хозяинъ: стало быть, лошадь молодая.

Юхванка въ это время отошелъ къ навѣсу и, замѣтивъ, что борона лежала не на мѣстѣ, поднялъ ее и, прислонивъ къ плетню, поставилъ стоймя.

— Поди сюда!—крикнулъ баринъ съ дѣтски раздосадованнымъ выраженіемъ въ лицѣ и чуть не со слезами досады и злобы въ голосѣ.—Что, эта лошадь старая?

— Помилуйте, васясо, очень стара, годовъ двадцать будетъ... которая лошадь...

— Молчать! Ты лгунъ и негодяй, потому что честный мужикъ не станетъ лгать: ему не зачѣмъ!—сказалъ Нехлюдовъ, задыхаясь отъ гнѣвныхъ слезъ, которыя подступали ему къ горлу. Онъ замолчалъ, чтобы не осрамиться, расплакавшись при мужикѣ. Юхванка тоже молчалъ и съ видомъ человѣка, который сейчасъ заплачетъ, посапывалъ носомъ и слегка подергивалъ головой.—Ну, на чемъ же ты выѣдешь пахать, когда продашь эту лошадь?—продолжалъ Нехлюдовъ, успокоившись достаточно, чтобы говорить обыкновеннымъ голосомъ.—Тебя нарочно посылаютъ на пѣшія работы, чтобы ты поправлялся

лошадьми къ пахотѣ, а ты послѣднюю хочешь продать? А главное, зачѣмъ ты лжешь?

Какъ только баринъ успокоился, и Юхванка успокоился. Онъ стоялъ прямо и, все такъ же передергивая губами, перебѣгалъ глазами отъ одного предмета къ другому.

— Мы вашему сясу, — отвѣчалъ онъ, — не хуже другихъ на работу выѣдемъ.

— Да на чемъ же ты выѣдешь?

— Ужъ будьте покойны, вашего сяса работу справимъ, — отвѣчалъ онъ, нукая на мерина и отгоняя его. — Коли бы не нужны деньги, то сталъ бы развѣ продавать.

— Зачѣмъ тебѣ нужны деньги?

— Хлѣба нѣтути ничего, васясо, да и долги отдать мужикамъ надоти, васясо.

— Какъ хлѣба нѣту? Отчего же у другихъ, у семейныхъ, еще есть, а у тебя, безсемеинаго, нѣту? Куда же онъ дѣвался?

— Ёли, ваше сіясо, а теперь ни крохи нѣтъ. Лошадь я къ осени куплю, васясо.

— Лошадь продавать и думать не смѣй!

— Что жъ, васясо, коли такъ, то какая же наша жизнь будетъ? И хлѣба нѣту, и продавать ничего не смѣй, — отвѣчалъ онъ совсѣмъ на сторону, передергивая губы и кидая вдругъ дерзкій взглядъ прямо на лицо барина: — значить, съ голоду помирать надо.

— Смотри, братъ! — закричалъ Нехлюдовъ, блѣднѣя и испытывая злобное чувство личности противъ мужика: — такихъ мужиковъ, какъ ты, я держать не стану. Тебѣ дурно будетъ.

— На то воля вашего сяса, — отвѣчалъ онъ, закрывая глаза съ притворно-покорнымъ выраженіемъ, — коли я вамъ не заслужилъ. А, кажется, за мной никакого пороку не замѣчено. Извѣстно, ужъ коли я вашему сіясу не полюбился, то все въ волѣ вашей состоитъ; только не знаю, за что я страдать долженъ.

— А вотъ за что: что у тебя дворъ раскрытъ, навозъ не запаханъ, плетни поломаны, а ты сидишь дома да трубку ку-

ришь, а не работаешь; за то, что ты своей матери, которая тебѣ все хозяйство отдала, куска хлѣба не даешь, позволяешь ее своей женѣ бить и доводишь до того, что она ко мнѣ жаловаться приходила.

— Помилуйте, ваше сіясо, я и не знаю, какія это трубки бываютъ,—отвѣчалъ смущенно Юхванка, котораго, видно, преимущественно оскорбило обвиненіе въ куреніи трубки.—Про человека все сказать можно.

— Вотъ ты опять лжешь! Я самъ видѣлъ...

— Какъ я смѣю лгать вашему сіясу!

Нехлюдовъ молчалъ и, кусая губу, сталъ ходить взадъ и впередъ по двору. Юхванка, стоя на одномъ мѣстѣ, не поднимая глазъ, слѣдилъ за ногами барина.

— Послушай, Епифанъ,—сказалъ Нехлюдовъ дѣтски-кроткимъ голосомъ, останавливаясь передъ мужикомъ и стараясь скрыть свое волненіе,—этакъ жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько. Если ты мужикомъ хорошимъ хочешь быть, такъ ты свою жизнь перемѣни, оставь свои привычки дурныя, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Вѣдь я про тебя все знаю. Занимайся хозяйствомъ, а не тѣмъ, чтобы казенный лѣсъ воровать да въ кабакъ ходить. Подумай, что тутъ хорошаго! Коли тебѣ въ чемъ-нибудь нужда, то приди ко мнѣ, попроси прямо, что нужно и зачѣмъ, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебѣ не откажу ни въ чемъ, что только могу сдѣлать.

— Помилуйте, васясо, мы, кажется, можемъ понимать вашего сясца!—отвѣчалъ Юхванка, улыбаясь, какъ будто вполне понимая всю прелесть шутки барина.

Эта улыбка и отвѣтъ совершенно разочаровали Нехлюдова въ надеждѣ тронуть мужика и увѣщаніями обратить на путь истинный. Притомъ ему все казалось, что неприлично ему, имѣющему власть, усовѣщивать своего мужика и что все, что онъ говорилъ, совсѣмъ не то, что слѣдуетъ говорить. Онъ грустно опустилъ голову и вышелъ въ сѣни. На порогѣ сидѣла

старуха и громко стонала, какъ казалось, въ знакъ сочувствія словамъ барина, которыя она слышала.

— Вотъ вамъ на хлѣбъ,—сказалъ ей на ухо Нехлюдовъ, кладя въ руку ассигнацію:—только сама покупай, а не давай Юхванкѣ, а то онъ пропьетъ.

Старуха костлявою рукой ухватила за притолоку, чтобы встать, и собралась благодарить барина, голова ея закачалась, но Нехлюдовъ былъ уже на другой сторонѣ улицы, когда она встала.

IX.

«Давыдка Бѣлый просилъ хлѣба и колѣвъ», значилось въ записной книжкѣ послѣ Юхванки.

Пройдя нѣсколько дворовъ, Нехлюдовъ при поворотѣ въ переулокъ встрѣтился съ своимъ приказчикомъ, Яковомъ Алпатычемъ, который, издавѣ увидѣвъ барина, снялъ клеенчатую фуражку и, доставъ фуляровый платокъ, сталъ обтирать толстое красное лицо.

— Надѣнь, Яковъ! Яковъ, надѣнь же, я тебѣ говорю...

— Гдѣ изволили быть, ваше сіятельство?—спросилъ Яковъ, защищаясь фуражкою отъ солнца, но не надѣвая ея.

— Былъ у Мудренаго. Скажи пожалуйста, отчего онъ такой сдѣлался? — сказалъ баринъ, продолжая идти впередъ по улицѣ.

— А что, ваше сіятельство?—отозвался управляющій, который въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ за бариномъ и, надѣвъ фуражку, расправлялъ усы.

— Какъ что? Онъ совершенный негодяй, лѣнтяй, воръ, лгунъ, мать свою мучитъ и, какъ видно, такой закоренѣлый негодяй, что никогда не исправится.

— Не знаю, ваше сіятельство, что онъ вамъ такъ не понравился...

— И жена его,—перебилъ баринъ управляющаго,—кажется, прегадкая женщина. Старуха хуже всякой нищей одѣта, ѣсть

нечего, а она разряженная, и онъ тоже. Что съ нимъ дѣлать, я рѣшительно не знаю.

Яковъ замѣтно смутился, когда Нехлюдовъ заговорилъ про жену Юхванки.

— Что жъ, коли онъ такъ себя попустилъ, ваше сіятельство,— началъ онъ,—то надо мѣры изыскать. Онъ точно въ бѣдности, какъ и всѣ одинокіе мужики, но онъ все-таки себя сколько-нибудь наблюдаетъ, не такъ, какъ другіе. Онъ мужикъ умный, грамотный, и ничего, честный, кажется, мужикъ. При сборѣ подушныхъ онъ всегда ходитъ. И старостой при моемъ ужъ управленіи три года ходилъ, тоже ничѣмъ не замѣченъ. Въ третьемъ годѣ опекуну угодно было его ссадить, такъ онъ и на тяглѣ исправенъ былъ. Нешто, какъ въ городу на почтѣ жывалъ, то хмелемъ немного позашибется, такъ надо мѣры изыскать. Бывало, зашалить, постращаешь—онъ опять въ свой разумъ приходитъ: и ему хорошо, и въ семействѣ ладъ; а какъ вамъ не угодно, значить, эти мѣры употреблять, то ужъ я и не знаю, что съ нимъ будемъ дѣлать. Онъ точно себя очень попустилъ. Въ солдаты опять не годится, потому, какъ изволили замѣтить, двухъ зубовъ нѣтъ, еще давно нарочно выбилъ. Да и не онъ одинъ, осмѣлюсь вамъ доложить, что совершенно страху не имѣютъ...

— Ужъ это оставь, Яковъ,—отвѣчалъ Нехлюдовъ, слегка улыбаясь,—про это мы съ тобой говорили и переговаривали. Ты знаешь, какъ я объ этомъ думаю, и что ты мнѣ ни говори, я все такъ же буду думать.

— Конечно, ваше сіятельство, вамъ это все извѣстно,—сказалъ Яковъ, пожимая плечами и глядя сзади на барина такъ, какъ будто то, что онъ видѣлъ, не обѣщало ничего хорошаго.—А что насчетъ старухи вы изволите беспокоиться, то это напрасно,—продолжалъ онъ.—Оно, конечно, что она сиротъ воспитала, вскормила и женила Юхвана и все такое; но вѣдь это вообще въ крестьянствѣ, когда мать или отецъ сыну хозяйство передали, то ужъ хозяинъ—сынъ и сноха, а старуха

ужь должна свой хлѣбъ зарабатывать по силѣ, по мочи. Они, конечно, тѣхъ чувствъ нѣжныхъ не имѣютъ, но ужь въ крестьянствѣ вообще такъ ведется. То и осмѣлюсь вамъ доложить, что напрасно старуха васъ трудила. Она старуха умная и хозяйка: да что жъ господина изъ-за всего беспокоить? Ну, поспорилась съ снохой, та, можетъ быть, ее и толкнула—бабье дѣло!—и помирились бы опять, чѣмъ васъ беспокоить. Ужь вы и такъ слишкомъ все изволите къ сердцу принимать,—говорилъ управляющій, съ отеческой нѣжностью и снисходительностью глядя на барина, который молча большими шагами шелъ передъ нимъ вверхъ по улицѣ.

— Домой изволите?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, къ Давыдкѣ Бѣлому, или Козлу... какъ онъ прозывается?

— Вотъ тоже лядъ-то, доложу вамъ. Ужь эта вся порода Козловъ такая. Чего-чего съ нимъ ни дѣлалъ, ничего не беретъ. Вчера по полю крестьянскому проѣхалъ, а у него и гречиха не посѣяна; что прикажете дѣлать съ такимъ народцемъ? Хотѣ бы старикъ—то сына училъ, а то такой же лядъ: ни на себя, ни на барщину, все какъ черезъ пень колоду валить. Ужь что-что съ нимъ ни дѣлали и опекунъ, и я: и въ станъ посылали, и дома наказывали—вотъ что вы не изволите любить...

— Кого, неужели старика?

— Старика-съ. Опекунъ сколько разъ и при всей сходкѣ наказывалъ, такъ вѣрите ли, ваше сіятельство, хотѣ бы те что: встряхнется, пойдетъ, и все то же. И вѣдь Давыдка, доложу вамъ, мужикъ смирный и неглупый мужикъ, и не курить, не пьетъ то-есть,—объяснилъ Яковъ,—а вотъ хуже пьянаго другого. Одно что въ солдаты коли выйдетъ или на поселенье, больше дѣлать нечего. Эта вся ужь порода Козловъ такая: и Матрешка, что въ черной живетъ, тоже ихней семьи, такой же лядъ проклятый. Такъ я вамъ не нуженъ, ваше сіятельство?—прибавилъ управляющій, замѣчая, что баринъ не слушаетъ его.

— Нѣтъ, ступай,—разсѣянно отвѣчалъ Нехлюдовъ и направился къ Давыдкѣ Бѣлому.

Давыдкина изба криво и одиноко стояла на краю деревни. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара; только какіе-то грязные хлѣвушки для скотины лѣпились съ одной стороны; съ другой стороны кучею навалены были приготовленные для двора хворостъ и бревна. Высокій зеленый бурьянъ росъ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Никого, кромѣ свиньи, которая, лежа въ грязи, визжала у порога, не было около избы.

Нехлюдовъ постучалъ въ разбитое окно; но такъ какъ никто не отзывался ему, онъ подошелъ къ сѣнямъ и крикнулъ: «хозяева!» И на это никто не откликнулся. Онъ прошелъ сѣни, заглянулъ въ пустые хлѣвушки и вошелъ въ отворенную избу. Старый красный пѣтухъ и двѣ курицы, подергивая ожерельями и постукивая ногтями, расхаживали по полу и лавкамъ. Увидѣвъ челоуѣка, они съ отчаяннымъ кудахтаньемъ, распустивъ крылья, забились по стѣнамъ, и одна изъ нихъ вскочила на печку. Шестиаршинная избѣнка всю занимали печь съ разломанною трубой, ткацкій станъ, который, несмотря на лѣтнее время, не былъ вынесенъ, и почернѣвшій столъ съ выгнутою треснувшею доскою. Хотя на дворѣ было сухо, однако у порога стояла грязная лужа, образовавшаяся въ прежній дождь отъ течи въ потолокъ и крышѣ. Полатей не было. Трудно было подумать, чтобы мѣсто это было жилое,—такой рѣшительный видъ запустѣнія и беспорядка носила на себѣ какъ наружность, такъ и внутренность избы; однако въ этой избѣ жилъ Давыдка Бѣлый со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ настоящую минуту, несмотря на жаръ іюньскаго дня, Давыдка, свернувшись съ головой въ полушубокъ, крѣпко спалъ, забившись въ уголъ печи. Испуганная курица, вскочившая на печь и еще не успокоившаяся отъ волненія, расхаживая по спинѣ Давыдки, не разбудила его.

Не видя никого въ избѣ, Нехлюдовъ хотѣлъ уже выйти, какъ протяжный, влажный вздохъ изобличилъ хозяина.

— Эй! кто тут?—крикнулъ баринъ.

Съ печки послышался другой протяжный вздохъ.

— Кто тамъ? Поди сюда!

Еще вздохъ, мычанье и громкій зѣвокъ отозвались на крикъ барина.

— Ну, что жъ ты?

На печи медленно зашевелилось; показалась пола истертаго тулуна; спустилась одна большая нога въ изорванномъ лаптѣ, потомъ другая, и наконецъ показалась вся фигура Давыдки Бѣлаго, сидѣвшаго на печи и лѣнливо и недовольно большимъ кулакомъ протиравшаго глаза. Медленно нагнувъ голову, онъ, зѣвая, взглянулъ въ избу и, увидѣвъ барина, сталъ поворачиваться немного скорѣе, чѣмъ прежде, но все еще такъ тихо, что Нехлюдовъ успѣлъ раза три пройти отъ лужи къ ткацкому стану и обратно, а Давыдка все еще слѣзалъ съ печи. Давыдка Бѣлый былъ дѣйствительно бѣлый: и волоса, и тѣло, и лицо его—все было чрезвычайно бѣло. Онъ былъ высокъ ростомъ и очень толстъ, но толстъ, какъ бываютъ мужики, то-есть не животомъ, а тѣломъ. Толщина его однако была какая-то мягкая, нездоровая. Довольно красивое лицо его, съ свѣтло-голубыми, спокойными глазами и съ широкой окладистой бородой, носило на себѣ отпечатокъ болѣзненности. На немъ не было замѣтно ни загара, ни румянца; оно все было какого-то блѣднаго, желтоватаго цвѣта, съ легкимъ лиловымъ оттѣнкомъ около глазъ, и какъ будто все заплыло жиромъ или распухло. Руки его были пухлы, желтоваты, какъ руки людей, больныхъ водяною, и покрыты тонкими бѣлыми волосами. Онъ такъ разоспался, что никакъ не могъ совсѣмъ открыть глазъ и стоять не пошатываясь и не зѣвая.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно,—началъ Нехлюдовъ,—середь бѣлаго дня спать, когда тебѣ дворъ строить надо, когда у тебя хлѣба нѣтъ?..

Какъ только Давыдка опомнился отъ сна и сталъ понимать, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ сложилъ руки подъ жи-

вотъ, опустилъ голову, склонивъ ее немного на бокъ, и не двигался ни однимъ членомъ. Онъ молчалъ; но выраженіе лица его и положеніе всего тѣла говорило: «Знаю, знаю; ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну бейте же, коли такъ надо,—я снесу». Онъ, казалось, желалъ, чтобы баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его, даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ, но оставилъ поскорѣе въ покоѣ. Замѣчая, что Давыдка не понимаетъ его, Нехлюдовъ разными вопросами старался вывести мужика изъ его покорно-терпѣливаго молчанія.

— Для чего же ты просилъ у меня лѣсу, когда онъ у тебя вотъ уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ, и самое свободное время, такъ лежитъ, а?

Давыдка упорно молчалъ и не двигался.

— Ну, отвѣчай же!

Давыдка промычалъ что-то и моргнулъ своими бѣлыми рѣсницами.

— Вѣдь надо работать, братецъ: безъ работы что же будетъ? Вотъ теперь у тебя хлѣба нѣтъ, а все это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не во-время засѣяна,—все отъ лѣни. Ты просишь у меня хлѣба: ну, положимъ, я тебѣ дамъ, потому что нельзя тебѣ съ голоду умирать, да вѣдь этакъ дѣлать не годится. Чей хлѣбъ я тебѣ дамъ? какъ ты думаешь, чей? Ты отвѣчай: чей хлѣбъ я тебѣ дамъ?—упорно допрашивалъ Нехлюдовъ.

— Господскій, — пробормоталъ Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

— А господскій-то откуда? Разсуди-ка самъ, кто подъ него вспахалъ? заскородилъ? кто его посѣялъ, убралъ? Мужички? такъ? Такъ вотъ видишь ли: ужъ если раздавать хлѣбъ господскій мужикамъ, такъ надо раздавать больше тѣмъ, которые больше за нимъ работали, а ты меньше всѣхъ—на тебя и на барщинѣ жалуются—меньше всѣхъ работалъ, а больше всѣхъ господскаго хлѣба просишь. За что же тебѣ давать, а другимъ нѣтъ? Вѣдь коли бы всѣ, какъ ты, на боку лежали, такъ мы

давно всѣ бы на свѣтѣ съ голоду умерли. Надо, братецъ, трудиться, а это дурно—слышишь, Давыдъ?

— Слушаю-съ,—медленно пропустилъ онъ сквозь зубы.

Х.

Въ это время мимо окна мелькнула голова крестьянской женщины, несшей полотно на коромыслѣ, и чрезъ минуту въ избу вошла Давыдкина мать, высокая женщина лѣтъ пятидесяти, весьма свѣжая и живая. Изрытое рябинами и морщинами лицо ея было некрасиво, но прямой, твердый носъ, сжатые, тонкія губы и быстрые сѣрые глаза выражали умъ и энергію. Угловатость плечъ, плоскость груди, сухость рукъ и развитіе мышцъ на черныхъ босыхъ ногахъ ея свидѣтельствовали о томъ, что она уже давно перестала быть женщиной и была только работникомъ. Она бойко вошла въ избу, притворила дверь, обдернула поняву и сердито взглянула на сына. Нехлюдовъ что-то хотѣлъ сказать ей, но она отвернулась отъ него и начала креститься на выглядывавшую изъ-за ткацкаго стана черную деревянную икону. Окончивъ это дѣло, она оправила грязный клѣтчатый платокъ, которымъ была повязана голова ея, и низко поклонилась барину.

— Съ праздникомъ Христовымъ, ваше сіятельство,—сказала она.—Спаси тебя Богъ, отецъ ты нашъ...

Увидавъ мать, Давыдка замѣтно смутился, согнулъ нѣсколько спину и еще ниже опустил шею.

— Спасибо, Арина,—отвѣчалъ Нехлюдовъ.—Вотъ я сейчасъ съ твоимъ сыномъ говорилъ о вашемъ хозяйствѣ.

Арина, или, какъ ее прозвали мужики еще въ дѣвкахъ, Аришка-Бурлакъ, подперла подбородокъ кулакомъ правой руки, которая опиралась на ладонь лѣвой и, не дослушавъ барина, начала говорить такъ рѣзко и звонко, что вся изба наполнилась звукомъ ея голоса и со двора могло показаться, что вдругъ говорятъ нѣсколько бабьихъ голосовъ.

— Чего, отецъ ты мой, чего съ нимъ говорить! Вѣдь онъ и говорить — то не можетъ, какъ человѣкъ. Вотъ онъ стоитъ, олухъ, — продолжала она, презрительно указывая головой на жалкую массивную фигуру Давыдки. — Какое *мое* хозяйство, батюшка, ваше сіятельство? Мы голъ; хуже насъ во всей слободѣ у тебя нѣтъ: ни на себя, ни на барщину — срамъ! А все онъ довелъ. Родили, кормили, поили, не чаяли дожидаться парня. Вотъ и дождались: хлѣбъ лопаешь, а работы отъ него, какъ отъ прѣлой вотъ той колоды. Только знаетъ на печи лежать, либо вотъ стоитъ, башку свою дурацкую скребетъ, — сказала она, передразнивая его. — Хотя бы его ты, отецъ, пострадалъ бы, что ли. Ужъ я сама прошу: накажи то его ради Господа Бога, въ солдаты ли — одинъ конецъ. Мѣчи моей съ нимъ не стало — вотъ что.

— Ну, какъ тебѣ не грѣшно, Давыдка, доводить до этого свою мать? — сказалъ Нехлюдовъ, съ укоризной обращаясь къ мужику.

Давыдка не двигался.

— Вѣдь добро бы мужикъ хворый былъ, — съ тою же живостью и тѣми же жестами продолжала Арина, — а то вѣдь только смотрѣть на него, вѣдь словно боровъ съ мельницы раздулся. Есть, кажись, чему бы работать, — гладухъ какой! Нѣтъ, вотъ пропадаетъ на печи лодыремъ. Возьмется за что, такъ не глядѣли бы мои глаза: коли поднимется, коли передвинется, коли что, — говорила она, растягивая слова и неуклюже поворачивая съ боку на бокъ своими угловатыми плечами. — Вѣдь вотъ нынче, старикъ самъ за хворостомъ въ лѣсъ уѣхалъ, а ему наказалъ ямы копать: такъ нѣтъ вотъ, и лопаты въ руки не бралъ... (На минуту она замолчала.) Загубилъ онъ меня сироту! — взвизгнула она вдругъ, размахнувъ руками и съ угрожающимъ жестомъ подходя къ сыну. — Гладкая твоя морда лядащая, прости Господи!.. (Она презрительно и вмѣстѣ отчаянно отвернулась отъ него, плюнула и снова обратилась къ барину, съ тѣмъ же одушевленіемъ и со слезами на глазахъ продолжая разма-

хивать руками).—Вѣдь все одна, кормилецъ. Старикъ-отъ мой хворый, старый, да и тоже проку въ немъ нѣтъ, а я все одна да одна. Камень — и тотъ треснетъ. Хоть бы помереть, такъ легче было бѣ: одинъ конецъ. Заморилъ онъ меня, подлецъ! Отецъ ты нашъ! мочи моей ужъ нѣтъ! Невѣстка съ работы извелась—и мнѣ то же будетъ.

XI.

— Какъ извелась?—недовѣрчиво спросилъ Нехлюдовъ.

— Съ натуги, кормилецъ, какъ Богъ святъ, извелась. Взяли мы ее запрошлый годъ изъ Бабурина, — продолжала она, вдругъ перемѣняя свое озлобленное выраженіе на слезливое и печальное, — ну, баба была молодая, свѣжая, смирная, родной. Дома-то у отца, въ дѣвкахъ, въ холѣ жила, нужды не видала, и какъ къ намъ поступила, какъ нашу работу узнала — и на барщину, и дома, и вездѣ... Она да я — только и было. Мнѣ что? Я баба привычная, она же въ тяжести была, отецъ ты мой, да горе стала терпѣть; а все черезъ силу работала — ну, и надорвалась, сердечная. Лѣтось, Петровками, еще на бѣду мальчишку родила, а хлѣбушка не было, кой-что, кой-что ѣли, отецъ ты мой, работа же спѣшная подошла — у ней груди и пересохли. Дѣтенокъ первенькій былъ, коровенки нѣтути, да и дѣло наше мужицкое: гдѣ ужъ рожкомъ выкормить; ну, извѣстно, бабья глупость, она этимъ пуще убиваться стала. А какъ дѣтенокъ померъ, ужъ она съ той кручины выла-выла, голосила-голосила, да нужда, да работа, все хуже да хуже: такъ извелась въ лѣто, сердечная, что къ Покрову и сама скончалась. Онъ ее порѣшилъ, бестія! — снова съ отчаянною злобой обратилась она къ сыну. — Что я тебя просить хотѣла, ваше сіятельство, — продолжала она послѣ небольшого молчанія, понижая голосъ и кланаясь.

— Что? — разсѣянно спросилъ Нехлюдовъ, еще взволнованный ея разсказомъ.

— Вѣдь онъ мужикъ еще молодой. Отъ меня ужъ какой работы ждать: нынче жива, а завтра помру. Какъ ему безъ жены быть? Вѣдь онъ тебѣ не мужикъ будетъ. Обдумай ты насъ какъ-нибудь, отецъ ты нашъ.

— То-есть ты женить его хочешь? Что жъ, это дѣло!

— Сдѣлай Божескую милость; вы наши отцы-матери.

И, сдѣлавъ знакъ своему сыну, она съ нимъ вмѣстѣ грохнулась въ ноги барину.

— Зачѣмъ ты въ землю кланяешься?—говорилъ Нехлюдовъ, съ досадой поднимая ее за плечи.—Развѣ нельзя такъ сказать? Ты знаешь, что я этого не люблю. Жени сына, пожалуйста, я очень радъ, коли у тебя есть невѣста на примѣтѣ.

Старуха поднялась и стала рукавомъ утирать сухіе глаза. Давыдка послѣдовалъ ея примѣру и, потерявъ глаза пухлымъ кулакомъ, въ томъ же терпѣливо-покорномъ положеніи продолжалъ стоять и слушать, что говорила Арина.

— Невѣсты-то есть, какъ не быть! Вотъ Васютка Михейкина, дѣвка ничего, да вѣдь безъ твоей воли не пойдетъ.

— Развѣ она не согласна?

— Нѣтъ, кормилецъ, коли по согласію пойдетъ!

— Ну такъ что жъ дѣлать? Я принуждать не могу; поищите другую: не у себя, такъ у чужихъ; я выкуплю, только бы шла по своей охотѣ, а насильно выдать замужъ нельзя. И закона такого нѣтъ, да и грѣхъ это большой.

— Э-э-эхъ, кормилецъ! да статочное ли дѣло, глядя на нашу жизнь да на нашу нищету, чтобъ охотой пошла? Солдатка самая—и та такой нужды на себя принять не захочетъ. Какой мужикъ дѣвку къ намъ во дворъ отдастъ? Отчаянный не отдастъ. Вѣдь мы голь, нищета. Одну, скажутъ, почитай что съ голоду заморили, такъ и моей то же будетъ. Кто отдастъ?—прибавила она, недовѣрчиво качая головой,—разсуди, ваше сіятельство.

— Такъ что жъ я могу сдѣлать?

— Обдумай ты насъ какъ-нибудь, родимый!—повторила убѣдительно Арина.—Что жъ намъ дѣлать?

— Да что жъ я могу обдумать? Я тоже ничего не могу сдѣлать для васъ въ этомъ случаѣ.

— Кто жъ насъ обдумаетъ, коли не ты?—сказала Арина, опустивъ голову и съ выраженіемъ печальнаго недоумѣнія разводя руками.

— Вотъ хлѣба вы просили, такъ я прикажу вамъ отпустить,—сказалъ баринъ послѣ небольшого молчанія, во время котораго Арина вздыхала и Давыдка вторилъ ей.—А больше я ничего не могу сдѣлать.

Нехлюдовъ вышелъ въ сѣни. Мать и сынъ, кланяясь, вышли за бариномъ.

XII.

— О-охъ, сиротство мое!—сказала Арина, тяжело вздыхая.

Она остановилась и сердито взглянула на сына. Давыдка тотчасъ повернулся и, тяжело переваливъ черезъ порогъ свою толстую ногу въ огромномъ, грязномъ лаптѣ, скрылся въ противоположной двери.

— Чтò я съ нимъ буду дѣлать, отецъ?—продолжала Арина, обращаясь къ барину.—Вѣдь самъ видишь, какой онъ! Онъ вѣдь мужикъ не плохой, не пьяный и смирный мужикъ, ребенка малаго не обидитъ—грѣхъ напрасно сказать; худого за нимъ ничего нѣту, а ужъ и Богъ знаетъ, чтò такое съ нимъ попричилось, что онъ самъ себѣ злодѣй сталъ. Вѣдь онъ и самъ тому не радъ. Вѣришь ли, батюшка, сердце кровью обливается, на него глядя, какую онъ муку принимаетъ. Вѣдь какой ни есть, а моя утроба носила; жалѣю его, ужъ какъ жалѣю!.. Вѣдь онъ не то, чтобы супротивъ меня, али отца, али начальства чтò бы дѣлалъ, онъ мужикъ боязливый, сказать, что дитя малое. Какъ ему вдовцомъ быть? Обдумай ты насъ, кормилецъ,—повторила она, видимо желая изгладить дурное впечатлѣніе, которое ея брань могла произвести на барина.—Я, батюшка, ваше сіятельство,—продолжала она довѣрчивымъ шопотомъ,—и такъ

клала, и этакъ прикидывала: ума не приложу, отчего онъ такой. Не иначе, какъ испортили его злые люди.

Она помолчала немного.

— Коли найти человѣка, его излѣчить можно.

— Какой вздоръ ты говоришь, Арина! Какъ можно испортить?

— И, отецъ ты мой, такъ испортятъ, что и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаютъ! Мало ли дурныхъ людей на свѣтѣ! По злобѣ вынетъ горсть земли изъ-подъ слѣду... или что тамъ... и навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ. Долго ли до грѣха? Я такъ себѣ думаю: не сходить ли мнѣ къ Дундуку старику, что въ Воробьевкѣ живетъ: онъ знаетъ всякія слова, и травы знаетъ, и порчу снимаетъ, и съ креста воду спускаетъ: такъ не пособить ли онъ! — говорила баба. — Може онъ его излѣчить.

«Вотъ она, нищета - то и невѣжество!» думалъ молодой баринъ, грустно наклонивъ голову и шагая большими шагами внизъ по деревнѣ. «Что мнѣ дѣлать съ нимъ? Оставить его въ этомъ положеніи невозможно и для себя, и для примѣра другихъ, и для него самого, невозможно», говорилъ онъ себѣ, высчитывая на пальцахъ эти причины. «Я не могу видѣть его въ этомъ положеніи, а чѣмъ вывести его? Онъ уничтожаетъ все мои лучшіе планы въ хозяйствѣ. Если останутся такіе мужики, мечты мои никогда не сбудутся», подумалъ онъ, испытывая досаду и злобу на мужика за разрушеніе его плановъ. «Сослать на поселенье, какъ говоритъ Яковъ, коли онъ самъ не хочетъ, чтобъ ему было хорошо, или въ солдаты? Точно: по крайней мѣрѣ и отъ него избавлюсь и еще замѣню хорошаго мужика», разсуждалъ онъ.

Онъ думалъ объ этомъ съ удовольствіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то неясное сознаніе говорило ему, что онъ думаетъ только одною стороною ума и что-то не хорошо. Онъ остановился. «Постой, о чемъ я думаю?» сказалъ онъ самъ себѣ. «Да, въ солдаты, на поселенье. За что? Онъ хорошій человѣкъ, лучше многихъ, да и почему я знаю... Отпустить на волю?»

подумалъ онъ, разсматривая вопросъ не одною стороною ума, какъ прежде, «несправедливо, да и невозможно». Но вдругъ ему пришла мысль, которая очень обрадовала его; онъ улыбнулся съ выраженіемъ человѣка, разрѣшившаго себѣ трудную задачу. «Взять во дворъ», сказалъ онъ самъ себѣ, «самому наблюдать за нимъ и кротостью, и увѣщаніями, выборомъ занятій приучать къ работѣ и исправлять его».

XIII.

«Такъ и сдѣлаю», съ радостнымъ самодовольствомъ сказалъ самъ себѣ Нехлюдовъ, и, вспомнивъ, что ему надо было еще зайти къ богатому мужику Дутлову, онъ направился къ высокой и просторной связи, съ двумя трубами, стоявшей посрединѣ деревни. Подходя къ ней, онъ столкнулся у сосѣдней избы съ высокою ненарядною бабой, лѣтъ сорока, шедшей ему навстрѣчу.

— Съ праздникомъ, батюшка,—сказала ему, нисколько не робѣя, баба, останавливаясь подлѣ него и радушно улыбаясь и кланаясь.

— Здравствуй, кормилица! — отвѣчалъ онъ. — Какъ поживаешь? Вотъ иду къ твоему сосѣду.

— Такъ-съ, батюшка, ваше сіятельство, хорошее дѣло. А что, къ намъ не пожалуете? Ужъ какъ бы мой старикъ радъ былъ!

— Что жъ, зайду, потолкуемъ съ тобой, кормилица. Это твоя изба?

— Эта самая, батюшка.

И кормилица побѣжала впередъ. Войдя вслѣдъ за нею въ сѣни, Нехлюдовъ сѣлъ на кадушку, досталъ и закурилъ папиросу.

— Тамъ жарко; лучше здѣсь посидимъ, потолкуемъ,—отвѣчалъ онъ на приглашеніе кормилицы войти въ избу. Кормилица была еще свѣжая и красивая женщина. Въ чертахъ лица

ея и особенно въ большихъ черныхъ глазахъ было большое сходство съ лицомъ барина. Она сложила руки подъ занавѣской и, смѣло глядя на барина и безпрестанно виляя головой, начала говорить съ нимъ:

— Что жъ это, батюшка, зачѣмъ изволите къ Дутлову жаловать?

— Да хочу, чтобъ онъ у меня землю нанялъ десятинъ тридцать и свое бы хозяйство завелъ, да еще, чтобы лѣсъ онъ купилъ со мной вмѣстѣ. Вѣдь деньги у него есть, такъ что жъ имъ такъ даромъ лежать? Какъ ты объ этомъ думаешь, кормилица?

— Да что жъ? Извѣстно, батюшка, Дутловы люди сильные; во всей вотчинѣ, почитай, первый мужикъ,—отвѣчала кормилица, помахивая головой.—Лѣтось другую связь изъ своего лѣса поставилъ, господъ не трудили. Лошадей у нихъ, окромя жеребятъ да подростковъ, троекъ шесть соберется, а скотины, коровъ да овецъ, какъ съ поля гонять да бабы выйдутъ на улицу загонять, такъ въ воротахъ ихъ то сопрется, что бѣда; да и пчель-то колодокъ сотни двѣ, не то больше живетъ. Мужикъ очень сильный, и деньги должны быть.

— А какъ ты думаешь, много у него денегъ?—спросилъ баринъ.

— Люди говорятъ,—извѣстно по злобѣ, можетъ, что у старика деньги не малыя; ну да про то онъ сказывать не станетъ и сыновьямъ не открываетъ, а должны быть. Отчего ему рощей не заняться? Нѣшто побоится славу про деньги пустить. Онъ тоже, годовъ пять тому, лугами было съ Шкаликомъ дворникомъ въ долѣ помалости сталъ заниматься, да обманулъ, что ли, его Шкаликъ—то, такъ рублей триста пропало у старика; съ тѣхъ поръ и бросилъ. Да какъ имъ исправнымъ не быть, батюшка, ваше сіятельство!—продолжала кормилица:—при трехъ земляхъ живутъ, семья большая, все работники, да и старикъ-отъ—что же худо говорить—сказать, что хозяинъ настоящій. Во всемъ—то ему задача, что дивится народъ даже; и на хлѣбъ,

и на лошадей, и на скотину, и на пчель, и на ребятъ-то счастье. Теперь всѣхъ поженилъ. То у своихъ дѣвокъ бралъ, а теперь Илюшку на вольной женилъ, самъ откупилъ. И тоже баба хорошая вышла.

— Что жъ они, ладно живутъ?—спросилъ баринъ.

— Какъ въ дому настоящая голова есть, то и ладъ будетъ. Хоть бы Дутловы—извѣстно, бабье дѣло: невѣстки за печкой полаются, полаются, а все подъ старикомъ-то и сыновья ладно живутъ.

Кормилица помолчала немного.

— Теперь старикъ бѣльшаго сына, Карпа, слыхать, хочетъ хозяиномъ въ дому поставить. Старъ, молъ, ужъ сталъ: мое дѣло около пчель. Ну, Карпъ-то и хорошій мужикъ, мужикъ аккуратный, а все далеко противъ старика хозяиномъ не выйдетъ. Ужъ того разуму нѣту!

— Такъ вотъ Карпъ захочетъ, можетъ быть, заняться и землей, и рощами, какъ ты думаешь?—сказалъ баринъ, желавшій отъ кормилицы выпытать все, что она знала про своихъ сосѣдей.

— Врядъ ли, батюшка,—продолжала кормилица:—старикъ сыну денегъ не открывалъ. Пока самъ живъ да деньги у него въ домѣ, значить, все стариковъ разумъ орудуетъ; да и они больше извозомъ занимаются.

— А старикъ не согласится?

— Побойтся.

— Чего жъ онъ побойтся?

— Да какъ же можно, батюшка, мужику господскому свои деньги объявить? Неровенъ случай, и всѣхъ денегъ рѣшится! Вотъ съ дворникомъ въ дѣла вошелъ, да и ошибся. Гдѣ жъ ему съ нимъ судиться! Такъ и пропали деньги; а съ помѣщикомъ-то ужъ вовсе квитъ какъ разъ будетъ.

— Да, отъ этого...—сказалъ Нехлюдовъ, краснѣя.—Прощай, кормилица.

— Прощайте, батюшка, ваше сіятельство. Покорно благодаримъ.